

Бурова Е. Е. Рассказ-«пластинка» vs спонтанный нарратив в свете сопоставительного анализа языковых особенностей / Е. Е. Бурова, А. А. Рачёва, У. Э. Чекмез // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 48—68. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-48-68.

Burova, E. E., Racheva, A. A., Chekmez, U. E. (2022). Story-“Record” vs Spontaneous Narrative in Light of a Comparative Analysis of Linguistic Features. *Nauchnyi dialog*, 11(5): 48-68. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-48-68. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-48-68

Рассказ- «пластинка» vs спонтанный нарратив в свете сопоставительного анализа языковых особенностей

Бурова Евгения Евгеньевна
orcid.org/0000-0002-2359-9576
ResearcherID ABA-9999-2021
старший преподаватель
abcedik00@yandex.ru

Рачёва Александра Андреевна
orcid.org/0000-0002-2409-7519
ResearcherID ABB-4667-2021
кандидат филологических наук, доцент
aleksandracheva@yandex.ru

Чекмез Ульяна Эдуардовна
orcid.org/0000-0002-0571-741X
ResearcherID AAZ-7430-2020
преподаватель
chekmezu@gmail.com

Иркутский государственный университет
(Иркутск, Россия)

Благодарности:
Публикация подготовлена в рамках поддержанной Иркутским государственным университетом научной темы 111-21-301 «Устный корпус как инструмент лингвистических и междисциплинарных исследований»

Story-“Record” vs Spontaneous Narrative in Light of a Comparative Analysis of Linguistic Features

Evgenia E. Burova
orcid.org/0000-0002-2359-9576
ResearcherID ABA-9999-2021
Senior Lecturer
abcedik00@yandex.ru

Alexandra A. Racheva
orcid.org/0000-0002-2409-7519
ResearcherID ABB-4667-2021
PhD in Philology, Associate Professor
aleksandracheva@yandex.ru

Ulyana E. Chekmez
orcid.org/0000-0002-0571-741X
ResearcherID AAZ-7430-2020
Lecturer
chekmezu@gmail.com

Irkutsk State University
(Irkutsk, Russia)

Acknowledgments:
The publication was prepared within the framework of the scientific theme 111-21-301 “Oral corpus as a tool for linguistic and interdisciplinary research” supported by the Irkutsk State University

© Бурова Е. Е., Рачёва А. А., Чекмез У. Э., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Нарратив мемуарного типа рассматривается как определенным образом структурированный текст, представленный, по крайней мере, двумя разновидностями устного рассказа: (1) многократно воспроизводимого нарратива (рассказ о войне) и (2) неподготовленного отрезка речи (повествование о жизни в Иркутске в период существования СССР и после его распада). Первая разновидность в научной литературе получила название рассказ-«пластинка». В ходе сопоставления двух фрагментов, относящихся к упомянутым типам повествования, характеризуются фонетические, лексические и грамматические средства, использованные субъектом речи и отражающие специфику рассказа-«пластинки» на тему войны. Благодаря комплексному подходу к языковым особенностям нарратива делаются развернутые выводы относительно его организации. Установлено, что на разных языковых уровнях рассказ-«пластинка» обладает определенными отличительными чертами, важнейшими из которых являются использование функционально нагруженных просодических средств и практически полное отсутствие речевых сбоев, употребление большого количества книжных лексических элементов, а также грамматических конструкций, характерных для официально-деловой, письменной речи. Доказывается, что все выявленные особенности позволяют говорящему придать личным впечатлениям о войне черты коллективно значимого воспоминания.

Ключевые слова:

устный нарратив; рассказ-пластинка; спонтанный нарратив; коллективная память; устный дискурс; просодия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A memoir-type narrative as a structured text in a certain way, represented by at least two types of oral story: (1) a repeatedly reproduced narrative (a story about the war) and (2) an unprepared segment of a speech (a story about life in Irkutsk during the existence of the USSR and after its collapse) is considered in the article. The first variety in the scientific literature was called the “record” story. In the course of comparing the two fragments related to the mentioned types of narration, the phonetic, lexical and grammatical means used by the subject of speech and reflecting the specifics of the story-“record” on the theme of war are characterized. Thanks to an integrated approach to the linguistic features of the narrative, detailed conclusions are drawn regarding its organization. It has been established that at different linguistic levels the story-“record” has certain distinctive features, the most important of which are the use of functionally loaded prosodic means and the almost complete absence of speech failures, the use of a large number of bookish lexical elements, as well as grammatical structures characteristic of the official business language, written speeches. It is proved that all the identified features allow the speaker to give the features of a collectively significant memory to personal impressions of the war.

Key words:

oral narrative; story-record; spontaneous narrative; collective memory; oral discourse; prosody.

Рассказ-«пластинка» vs спонтанный нарратив в свете сопоставительного анализа языковых особенностей

© Бурова Е. Е., Рачёва А. А., Чекмез У. Э., 2022

1. Введение = Introduction

Одним из наиболее интересных — и вместе с тем наименее изученных — типов устных рассказов являются многократно воспроизводимые нарративы, функционирующие как самостоятельные рассказы или как фрагменты более объёмного повествования. Нарративы такого типа получили название рассказов-«пластинок» [Китайгородская и др., 1995]. Как отмечают М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова, рассказы-пластинки существуют прежде всего в малых социальных группах, реализуются в ситуациях фатического общения, их словесная форма выверена, при этом в нарративах такого типа часто прослеживается установка рассказчика на определенную художественность повествования [Китайгородская и др., 1995, с. 46].

Подобные рассказы распространены в разных социальных группах: как отмечают исследователи, они могут функционировать как в среде городского населения, так и в группах жителей сельской местности, см.: [Букринская и др., 2015].

Рассказы-«пластинки» разнородны с точки зрения тематики: они могут представлять собой «апокрифы» об известных и «исторических» людях, истории-«апологии», повествующие об экстремальных ситуациях в жизни рассказчиков, анекдотические истории и т. д. [Букринская и др., 2015; Китайгородская и др., 1999, с. 44—45 и др.].

Подобные различия в тематике нарративов-«пластинок», как представляется, обуславливают и различия в их языковом оформлении: отмеченная выше выверенность формы по-разному реализуется в комических историях и рассказах-«апологиях». При этом отличия могут реализовываться на различных уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом. Исследование подобных языковых отличий нарративов-«пластинок» от спонтанно порождаемых текстов, насколько нам известно, до сих пор не проводилось. В рамках данной статьи планируется рассмотреть языковые особенности рассказа-«пластинки», посвящённого участию субъекта речи в Великой Отечественной войне. Такой нарратив можно отнести к историям-«апологиям».

Рассказы-«пластинки» представляют интерес не только с точки зрения изучения языковых особенностей многократно воспроизводимых нарративов

вов: тема Великой Отечественной войны чрезвычайно значима для современного российского общества. Представления о войне репрезентируются в устных нарративах различных типов, которые всё чаще становятся объектом исследования в гуманитарных науках, см.: [Колышева, 2020; Кринко, 2020; Летняков, 2021; Лицарева, 2021; Ханипова, 2021] и др.

Воспоминания о войне зафиксированы не только в индивидуальной, личной, но и в коллективной памяти. Подобные коллективные представления «нельзя рассматривать как сумму индивидуальных воспоминаний и конкретных деталей происшедшего, это всегда совершенно иначе выстроенные “реконструкции” исторических процессов и событий, функция которых связана либо с ритуалами коллективной (национальной, групповой) солидарности, либо с изложением коллективных мифов, идеологием» [Гудков, 2005]. Как представляется, многократно воспроизводимые рассказы-«апологии», репрезентирующие индивидуальный опыт субъекта речи на войне, должны приобретать черты «официального коллективного воспоминания». Такие воспоминания «конституируются некоторыми ценностями всего сообщества и воспроизводятся другими средствами, нежели рассказы частных лиц» [Гудков, 2005]. Изучение того, какое языковое оформление получают подобные формы репрезентации коллективной памяти, также представляет интерес.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Описание языковых особенностей рассказов-«пластинок» предполагает сопоставление воспроизводимых и спонтанных нарративов, продуцируемых одним и тем же субъектом речи: это позволит выявить различия между двумя обозначенными типами дискурса.

В данной статье осуществляется сопоставление двух текстов, записанных в рамках интервью с одним и тем же говорящим: один из них предположительно относится к рассказам-«пластинкам», второй, как представляется, является спонтанным рассказом (подробнее о характеристиках каждого из текстов см. ниже).

Для описания интересующего нас явления было проанализировано интервью с участником Великой Отечественной войны, членом Совета ветеранов Великой Отечественной войны, записанное в рамках проекта «Устная история Иркутска»¹. Предположение о том, что один из текстов, в котором говорящий рассказывает о Великой Отечественной войне, многократно воспроизводился им, подтверждает цитата из речи самого говорящего: *Я когда рассказываю правду о Великой Отечественной войне, я*

1 Интервью хранится в архиве кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета.

рассказываю о тех — рассказываю — своих товарищах, которых нет среди нас, которые отдали свою жизнь за нашу Родину за нашу... советский народ. <...> Молодежь внимательно слушает, и с интересом слушает, потому что они впервые, это я коротко так, а я вот подробно когда начинаю рассказывать о... о той операции, в которой действовал, они... подробно рассказываю про... слушают, и внимательно, задают ряд вопросов всегда. Часть интервью, посвящённая этой теме, представляет собой последовательный рассказ, в котором используются сложные, нехарактерные для спонтанной устной речи синтаксические конструкции, книжная лексика и практически отсутствуют речевые сбои (см. подробнее ниже).

В качестве материала рассматриваются два фрагмента — завершённые нарративы, почти одинаковые по объёму (840 и 816 слов). Первый фрагмент представляет собой рассказ о взятии города Ельни во время Великой Отечественной войны, второй — повествование о жизни в Иркутске в период существования СССР и после его распада.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В рамках исследования осуществлен анализ языковых характеристик двух описанных выше текстов. Ниже последовательно сопоставляются языковые особенности, свойственные каждому из них на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях. Подобное сопоставление позволит выявить отличительные черты рассказа-«пластинки» на фоне неподготовленного монолога.

3.1 «Пластинка» vs спонтанный нарратив в свете анализа фонетических особенностей

Рассмотрим фонетические особенности анализируемых фрагментов. Если сравнить число пауз в рассказе-«пластинке» и спонтанном нарративе, то их количество примерно одинаково (198 пауз в рассказе-пластинке и 179 пауз в спонтанном рассказе). Однако число заполненных пауз в спонтанном нарративе оказывается существенно выше: 14,5 % от общего числа пауз в спонтанном нарративе по сравнению с 3,5 % в рассказе-«пластинке». Как известно, «заполненные паузы в целом являются сигналом хезитации (колебания) — временных трудностей говорящего в ходе вербализации» [Кибрик и др., 2009, с. 68], которые неизбежно возникают при планировании и порождении речи, поэтому малое их число может свидетельствовать о регулярной воспроизводимости нарратива.

Помимо этого, в выбранных фрагментах содержится 27 обрывов слова, из них 10 обнаружены в рассказе-«пластинке» и 17 — в спонтанном нарративе, то есть в спонтанном рассказе обрывы слов встречаются почти в 2 раза чаще, чем в рассказе-«пластинке».

Значимыми оказываются различия, касающиеся продолжительности абсолютных пауз и их функций в нарративе. Все паузы в каждом из фрагментов были условно разделены на 3 группы: короткие (от 0,06 сек. до 0,5 сек.), средние (от 0,51 сек. до 1 сек.), длинные (более 1 сек.). В рассказе-«пластинке» короткие паузы составляют 34 % от общего числа пауз, средние — 40 %, длинные — 26 %. В спонтанном нарративе короткие паузы составляют 52 % от общего числа пауз, средние — 35 %, длинные — 13 %. Соотношение длительности пауз в рассказе-«пластинке» и спонтанном нарративе можно видеть на рисунке (рис. 1).

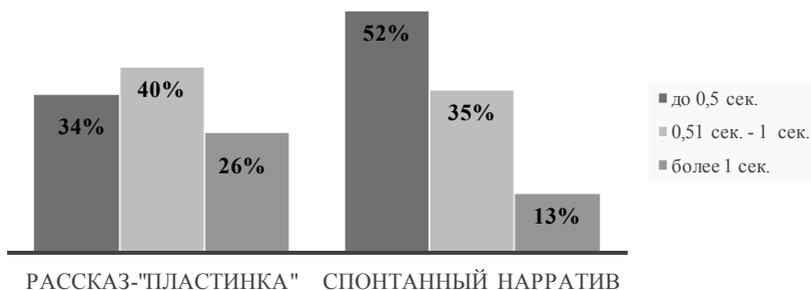

Рис. 1. Соотношение длительности пауз в рассказе-«пластинке» и спонтанном нарративе

Как видим, паузы средней длины в рассказе-«пластинке» и спонтанном рассказе встречаются с примерно одинаковой частотностью, однако количество коротких и длинных пауз значительно отличается. В данном случае в рассказе-«пластинке» в 1,5 раза меньше коротких пауз и в 2 раза больше длинных пауз.

Далее в качестве примеров представлены записи речи, в которых фиксируется вербальная часть речевой партии говорящего, оформленная в соответствии с традиционной орфографией, а также маркируются отдельные явления, характерные для устной речи, в частности, паузы различного типа, обрывы слов и конструкций. Абсолютные паузы обозначаются следующим образом: (0,33), где числовое значение указывает на длительность паузы в секундах. Заполненные паузы фиксируются с использованием символов, отсылающих к типу вокализации, реализуемому в рамках заполненной паузы, например, условное обозначение (э 0,46) сигнализирует о том, что в речи говорящего встречается пауза, заполненная эканьем, которое длится 0,46 сек. Обрыв слова или конструкции обозначается знаком =, который располагается после записи вокализованной части оборванного сегмента, например: *желез*=. Выделение жирным используется для того, чтобы обратить внимание читателя на отдельные явления в структуре дискурса, находящиеся в сфере нашего внимания

при анализе того или иного примера. При необходимости сопоставления двух явлений (например, пограничных пауз и пауз хезитации; лексики, свойственной официально-деловому стилю, и лексики, свойственной публицистическому стилю) в рамках высказывания один из маркеров этого явления выделяется в примере полужирным, другой — подчеркиванием.

В спонтанном нарративе короткие паузы чаще всего встречаются внутри элементарной дискурсивной единицы (далее ЭДЕ) (см. примеры 1, 2), то есть могут также восприниматься как маркеры хезитации, так как «внутри ЭДЕ о хезитации свидетельствуют любые типы пауз» [Кибрик и др., 2009, с. 68], как заполненные, так и абсолютные:

(1) *(0,55) у нас ведь **(0,40)** двадцать шесть тысяч (а 0,44) частных домиков в Иркутске (0,51);*

(2) *одно **(0,40)** все это привозное (0,20) а запрети (0,17) ввоз (0,17) и нас **(0,48)** ограничат этим (0,31) у нас ничего своего выпускать нет (0,76).*

Долгие паузы в спонтанном нарративе также свидетельствуют о хезитациях (см. примеры 3, 4):

(3) *(0,33) вот такие дома (0,27) подобрать (0,64) и непосредственно **(1,63)** их (0,83) заказать;*

(4) *(1,78) завод **(1,78)** непосредственно **(2,16)** Куйбышева **(1,63)** такие драги строил (0,38).*

В рассказе-«пластинке» долгие паузы функционально нагружены: говорящий использует их либо для того, чтобы сигнализировать о завершении только что вербализованного отрезка дискурса и начале следующего (ср. длительность пауз на границах ЭДЕ в примере 2 (0,2; 0,31; 0,76) и примере 5 (0,82; 2,71)), либо для того, чтобы выделить некоторый фрагмент дискурса. Так, в примере 6 паузами отделяются фрагменты дискурса, в которых сообщается о начале войны, о прибытии дивизии 3-его июля в район Смоленска. Очевидно, что говорящий с помощью долгих пауз выделяет ключевые для него фрагменты дискурса:

(5) *получил звание лейтенанта (0,82) и был направлен в воинскую часть в город Барнаул в сто тридцать (0,54) (а 0,47) в сто седьмую дивизию (0,11) шестьсот тридцатый стрелковый полк (2,71) там (0,39) прослужил (0,34) затем меня как (0,75) перспективного командира направили в = (0,86) на курсы «Выстрел» (0,20);*

(6) *война началась **(1,27)** двадцать второго (0,78) двадцать пятого мы (0,91) своей дивизией погрузились в эшелоны **(2,08)** и **(1,10)** третьего июля прибыли в район города Смоленск **(1,54)** но за Смоленск уже шли ожесточенные бои **(1,38)**.*

Отметим, что в рассказе-«пластинке» часто встречаются фрагменты, которые на слух воспринимаются как диктовка, вследствие того что средними

и долгими паузами отделяются друг от друга сравнительно короткие речевые отрезки. Как утверждают исследователи, «70 % текста покрывается интонационными фразами (ИФ) длиной от 2 до 6 полнозначных слов» [Кривнова и др., 2016, с. 17], тогда как в рассматриваемом ниже фрагменте паузами отделены такие однословные фрагменты, как *немец, не мог, овладеть*.

(7) *но так как (0,55) немец (1,68) сорок шестым мотострелковым корпусом (0,53) не мог (1,21) овладеть (0,42) городом Смоленском (0,30) прорыв сделал южнее и захватил город Ельня (2,58)*

Отдельного внимания заслуживают эмфатические паузы, оформляющие местоимение *мы* в рассказе-«пластинке».

(8) *двадцать пятого **мы (0,91)** своей дивизией погрузились в эшелоны (2,08) и (1,10) третьего июля (0,27) прибыли в район города Смоленск;*

(9) *и впервые (0,84) в июле сорок первого года когда армия отходила (0,43) **мы (1,02)** перешли в контрнаступление;*

(10) ***мы (0,46)** освободили Ельню (0,96) и продвигаться дальше;*

(11) *и вот по одному из сигналов (0,34) в два часа ночи **мы (1,19)** сделали налет;*

(12) *тем самым **мы (0,52)** уверенно (0,78) забрасывали (0,61) дома гранатами;*

(13) *а **нас (0,23)** четыре человека (0,16) наградили Орденами (0,78) Красного Боевого Знамени.*

Как можно заметить, практически все паузы характеризуются средней (или близкой к средней) длиной. Короткую паузу можно наблюдать в последнем примере, в котором использована форма косвенного падежа рассматриваемого местоимения. Представляется, что употребление эмфатических пауз здесь можно связать с семантическими свойствами местоимения *мы*.

Семантика личного местоимения *мы* изучена в лингвистике довольно подробно. В самом общем смысле это местоимение указывает на совокупность лиц, включающую в себя автора, а также группу, с которой автор высказывания себя отождествляет. Указывая на группу лиц, включающую в себя говорящего, местоимение *мы* реализует, в частности, значения ‘я + ты’, ‘я + вы’, ‘я + они’ [Норман, 2002].

По утверждению некоторых исследователей, местоимение *мы* выступает в двух типах употребления: референтном и нереперентном. Первый тип употребления характеризуется дейктической функцией, то есть местоимение *мы* указывает на определенное множество объектов, включая говорящего, а второй — скорее номинативной. В таком случае местоимение *мы* называет неопределенное множество объектов, целый коллектив [Гранева, 2008]. Можно предположить, что употребление в рассказе-«пластинке»

мы, выделенного с помощью паузы и получившего эмоциональную окраску, приближается к нереферентному, так как говорящий сообщает о значимых исторических событиях, являющихся фактами коллективной памяти, и скорее называет общность героев-солдат, чем указывает на кого-то конкретного. Исключением может являться последний пример, в котором *мы* относится к конкретным лицам, а формально находится в позиции объекта и отделяется короткой паузой.

Просодическое оформление местоимения *мы*, таким образом, согласуется с военной тематикой рассказа-«пластинки», который содержит, наряду с личными переживаниями, общеизвестные, значимые факты. Эмфатическая пауза в данном случае усиливает идею коллективности, выражаемую местоимением *мы*, и помогает создать героический образ солдат как единой силы, способной сопротивляться врагу.

Примечательно, что в спонтанном нарративе эмфатическая пауза после местоимения *мы* тоже встречается:

(14) *но мы (0,72) наши (0,93) строительный (0,72) строительная индустрия поможет этому (0,19) делу и мы в ближайшее время ну десять-пятнадцать лет пройдет (0,70) Иркутск будет неизвестаемый.*

В этом фрагменте *мы* выделяется с помощью паузы средней продолжительности, и по своим свойствам оно сходно с теми случаями, которые наблюдаются в рассказе-«пластинке». Как кажется, субъект речи хотел выразить эксплуатируемую им ранее идею коллективности, при этом коллектив остается неопределенным (*строительная индустрия*), а употребление *мы* можно отнести к нереферентным. Однако этот пример является единственным в спонтанном нарративе, что может свидетельствовать о слабой выраженности в нем идеи коллективности. Отметим, что почти полное отсутствие употреблений такого типа может быть обусловлено и тематикой текста.

Любопытно, что выделение паузами довольно малых сегментов речи чередуется в рассказе-пластинке с полным отсутствием пауз на довольно продолжительных отрезках дискурса.

(15) *а я вот впервые (0,58) в декабре сорок первого года получил Орден (0,81) Боевого Красного Знамени (2,21) ну и потом несколько раз тоже ходили в тыл выполняли задания в газетах это у меня вот сохранились если хотите я вам покажу потом газету (1,04).*

Как видим, после двух эмфатических пауз средней длины и долгой паузы, обозначающей границу между двумя фрагментами дискурса, следует фрагмент из 25 словоформ (49 слогов).

Кроме того, для рассказа-«пластинки» характерно употребление сложных в синтаксическом отношении конструкций, произносимых как сплошной текст, без единой паузы:

(16) закончил обратно же в эту часть пришел был командиром стрелковой роты;

(17) мы переходили линию фронта у меня пять взводов было;

(18) вот нам дали отдыхать и вот в это время меня сфотографировали в газету;

(19) а они говорят а о себе почему не рассказываете я говорю обо мне расскажут тогда когда меня может быть не будет.

С точки зрения традиционного синтаксиса все приведенные выше отрезки являются полипредикативными конструкциями, включающими в себя несколько пропозиций, каждая из которых могла бы быть самостоятельной ЭДЕ, выделенной паузами.

Таким образом, анализ фонетических особенностей сопоставляемых фрагментов показывает, что многократно воспроизводимый нарратив содержит небольшое число просодических маркеров хезитации и довольно много функционально нагруженных пауз, в том числе тех, которые усиливают важную для говорящего идею коллективности. Кроме того, для рассказа-«пластинки» характерно непрерывное произнесение больших отрезков речи, состоящих из нескольких ЭДЕ. Спонтанный нарратив, наоборот, содержит значительное количество пауз хезитации и практически не обнаруживает в себе пауз с функциональной нагрузкой. Из сказанного следует, что говорящий в рассказе-«пластинке» регулярно использует рассматриваемые фонетические средства осознанно, для акцентирования внимания слушающего на фрагментах дискурса, обладающих особой важностью, в то время как в неподготовленном нарративе анализируемые просодические средства зачастую являются сигналами речевых сбоев.

3.2. «Пластинка» vs спонтанный нарратив в свете анализа лексических особенностей

Обратимся к рассмотрению явлений лексического уровня. Рассказу-«пластинке» свойственна книжная лексика, характерная как для официально-делового (выделено полужирным), так и для художественного и публицистического стилей (выделено подчёркиванием). См. примеры:

(20) в сороковом году в феврале я его закончил (1,05) **получил звание лейтенанта** (0,82) и был направлен **в воинскую часть в город Барнаул в сто тридцать** (0,54) (э 0,48) **в сто седьмую дивизию** (0,11) **шестьсот тридцатый стрелковый полк**;

(21) я там закончил эти курсы «Выстрел» (0,83) это если **расшифровать** (0,72) **высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования начальствующего состава**;

(22) а затем меня перебросили на северо-западный фронт (2,05) **там по указанию** (1,40) **начальника штаба фронта** (0,51) **генерал-лейтенан-**

та Ватутина Николая Федоровича (1,13) мне было предложено сформировать (0,43) диверсионно-истребительный отряд (0,97) в количестве (0,50) ста тридцати пяти человек;

(23) через линию фронта мы уходили на пятьдесят восемьдесят километров в тыл (1,00) организовывали диверсионные (1,52) мероприятия взрывали эшелоны (0,38) подминировали желез = дорогу (0,93) и (0,79) организовывали (0,55) нападения на отдыхающие и формирующие воинские подразделения которые находились на формировании в глубоком тылу (1,61);

(24) я рассказываю (0,85) о тех (1,22) рассказываю (0,36) своих товарищах которых нет среди нас (0,44) которые отдали свою жизнь за нашу (0,33) Родину за нашу (0,86) советский народ (1,30) (э 0,39) (0,14) отдали свое самое дорогое жизнь вот о них (0,34) о их героизме о их подвиге (0,29) мы должны всегда помнить (0,20) и рассказывать (0,33) из поколения в поколение.

В некоторых случаях официально-деловая лексика используется исключительно для названия некоторых объектов или ситуаций (*получил звание лейтенанта, воинскую часть, стрелковый полк, высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования начальствующего состава* и т. д.), однако, как представляется, чаще говорящий употребляет подобную лексику для создания эффекта официального публичного сообщения (*по указанию начальника штаба фронта, организовывали диверсионные мероприятия, находились на формировании в глубоком тылу*), так как именно такой способ репрезентации воспоминаний, по его мнению, соответствует значимости описываемых событий для социума.

Вместе с тем для данного фрагмента характерно активное использование экспрессивно окрашенной книжной лексики (*отдали свою жизнь за нашу Родину, советский народ, отдали свое самое дорогое, о их героизме, их подвиге, их поколения в поколение* и т. д.), типичной для публичных выступлений, посвящённых теме Великой Отечественной войны.

При этом анализируемый фрагмент рассказа-«пластинки» практически не содержит знаменательной разговорной лексики (о дискурсивных словах см. ниже).

Все перечисленные выше характеристики, как представляется, обусловлены уже названным выше фактором: репрезентация закреплённых в коллективной памяти представлений о Великой Отечественной войне как о сакральном событии требует от субъекта использования только высокой и официальной лексики. Такая форма нарратива, как рассказ-«пластинка», позволяет проявиться данной черте наиболее ярко: при многократном воспроизводстве в таком тексте складывается «стандарт» использования лексических средств.

Рассмотрим ещё одну важную особенность используемой в рассказе «пластинке» лексики — специфические способы номинации группы деятелей, избираемые субъектом речи. Интерес представляют номинации группы, в которую говорящий включает себя: он может использовать как ожидаемые в таком случае личные местоимения (*мы освободили Ельню, через линию фронта мы уходили на пятьдесят-восемьдесят километров в тыл*), так и нарицательные существительные, создающие впечатление «взгляда со стороны» (см. пример 25):

(25) *По указанию Иосифа Виссарионовича Сталина (0,54) Жукову было приказано (1,81) сибирскими дивизиями (0,72) ликвидировать этот выступ, который немцы захватили город Ельня и вклинились в нашу оборону (0,51) вот мы здесь (0,64) сибиряки (0,66) и впервые (0,78) в июле сорок первого года когда армия отходила (0,46) мы (0,90) перешли в контрнаступление (0,98) немцы (0,20) не выдержав (0,39) натиска **сибиряков** (0,93) оставляя на поле боя убитых и раненых начали отходить.*

Перейдём к рассмотрению фрагмента, представляющего собой неподготовленный монолог. Значимо, что в нём также используется книжная лексика, однако таких единиц в данном фрагменте гораздо меньше (*строительные организации, ликвидировали обувные фабрики*): если в рассказе «пластинке» подобные элементы составляют 22 % от общего числа лексем, то в неподготовленном нарративе доля книжной лексики — 6 %. Вместе с тем анализируемый нарратив содержит большее количество разговорной лексики:

(26) *А щас ведь однокомнатные (0,64) **квартирка** стоит миллион рублей где рабочему можно купить когда он получает две тыщи три тыщи рублей где он может купить одну;*

(27) *Вот построили ему за ГЭС там **особнячок** этот всё (0,37) и он в нем так и жил (0,39) никуда ничего;*

(28) *Ну (эв 0,66) (0,26) здесь (0,91) должны подходить (э 0,15) дифференцированно к этим домам (0,69) потому что в центре города есть такие **развалюшки** которые не пос = не подлежат восстановлению.*

Интересен пример (28), в котором в ближайшем контексте говорящий использует разговорные (*развалюшки*) и книжные слова (*дифференцированно, не подлежат восстановлению*): подобное контрастное сочетание стилистически разнородных средств характерно для разговорной речи: «... в текстах разговорной речи встречаются самые разнообразные в тематическом и стилистическом отношении группы лексики» [Земская, 1979, с. 28].

Кроме того, в анализируемом фрагменте частотны случаи неточного словоупотребления, также характерного для разговорной речи. Особенно показательным в данном случае использование слова *непосредственно*

(см. примеры 29—31). Подобные употребления отсутствуют в рассказе «пластинке».

(29) (1,78) завод (1,78) непосредственно (2,16) Куйбышева (1,63) такие драги строил (0,38) для Дальнего Востока и-и и-и других государств;

(30) Вот это вот я я считаю что (эш 0,90) (0,69) промышленность (0,82) и непосредственно надо создавать у себя;

(31) ...но надо (0,56) выбрать (0,33) те дома (0,56) которые непосредственно построены еще (0,22) сто лет тому назад.

В кругу лексических средств, представляющих интерес в рамках сопоставительного анализа рассказа «пластинки» и неподготовленного повествования, рассматриваются также дискурсивные маркеры — знаменательные единицы, регулирующие «дискурсивный процесс между говорящим и адресатом» [Кибрик и др., 2009, с. 146] (см. также [Дараган, 2003; Кобозева, 2007]). В нарративе «пластинке» используются маркеры *вот* (15 употреблений) и *ну* (2 употребления). Остановимся подробнее на функциях маркера *вот*.

(32) **Вот** мы здесь (0,64) сибиряки (0,66) и впервые (0,78) в июле сорок первого года когда армия отходила (0,46) мы (0,90) перешли в контрнатупление;

(33) Житель (0,23) местный этой деревни (0,66) когда мы остановились в лесу он к нам подошел и говорит о том что в этой деревне (1,34) наших (0,26) местных жителей никого не осталось (1,27) немцы заняли а мы все ушли и мы (0,21) **вот** местные жители находимся **вот** в лесу (0,14) **вот** в таком-то месте расположены **вот** вся (0,25) все местные жители кто что мог унести (0,40) **вот** там и и находятся.

Основными функциями *вот* в анализируемом фрагменте являются акцентирующая (см. примеры выше; всего 9 употреблений) и финальная: говорящий, используя маркер *вот* в акцентирующей функции, стремится выделить какой-либо фрагмент своего повествования; используя *вот* в финальной функции — маркировать завершение фрагмента дискурса. Значимым представляется тот факт, что большинство акцентирующих употреблений *вот* (5 из 8) используются говорящим при передаче чужой речи (см. пример 33).

В отрывке интервью, представляющем собой спонтанный рассказ, используются дискурсивные маркеры *вот* (21 употребление), *ну* (2 употребления), *там* (5 употреблений), *вон* (1 употребление). Обращает на себя внимание не только большее разнообразие дискурсивных маркеров, но и изменение наиболее частотной функции *вот*: в анализируемом фрагменте наиболее частотной функцией является маркирование анафорической связи (10 употреблений). С помощью подобных употреблений *вот* говорящий указывает на кореферентность языковых выражений. См. пример (34).

(34) *Потому что в центре города есть такие развалюшки которые не пос = не подлежат восстановлению (0,36) вот их (0,43) надо заменять.*

Большое количество подобных употреблений в спонтанном монологе и меньшее их количество (4 употребления) в нарративе-«пластинке» позволяет предположить, что в случае спонтанного рассказа говорящий испытывает дополнительную потребность в маркировании связей между элементами дискурса, тогда как в рассказе-«пластинке» подобное подчёркивание анафорических элементов не требуется, так как внутритекстовые связи уже были выстроены и многократно воспроизводились. Безусловно, данное предположение требует проверки на более объёмном и разнообразном материале.

Интересны и дискурсивные употребления *там*: в обнаруженных примерах данная единица выполняет функцию маркера несущественной детали, указывая на то, что информация не является важной для повествования, в некоторых случаях подобные употребления имеют пейоративный оттенок (см. подробнее [Пеньковский, 2004; Шмелёв, 2007]):

(35) *Чтоб построить какой-то (0,34) дворец там отдельные особняки там сделать всё.*

Следовательно, говорящий с помощью данного дискурсивного средства выражает субъективную оценку излагаемой информации. Подобные дискурсивные средства выражения оценки отсутствуют в нарративе-«пластинке», и это позволяет предположить, что в сопоставляемых типах текстов используются различные средства выражения оценки: характерные для кодифицированного литературного языка — в нарративе-«пластинке» и свойственные разговорной речи — в неподготовленном рассказе.

Таким образом, проведённый анализ позволил увидеть значительные различия в использовании лексических средств в рассматриваемых фрагментах: неподготовленный, спонтанный рассказ субъекта речи в большом количестве содержит лексические элементы, типичные для РР (в том числе и дискурсивные маркеры) и нехарактерные для официальных выступлений, тогда как для нарратива-«пластинки», наоборот, характерна высокая, книжная лексика и нетипичны разговорные элементы.

3.3 «Пластинка» vs спонтанный нарратив в свете анализа грамматических особенностей

Рассмотрим грамматические явления, характерные для нарратива-«пластинки» и спонтанного рассказа. Прежде всего обращает на себя внимание грамматическая стройность, свойственная рассказу-«пластинке»:

(36) *По указанию Иосифа Виссарионовича Сталина (0,54) Жукову было приказано (1,81) сибирскими дивизиями (0,72) ликвидировать этот выступ который немцы захватили город Ельня и вклинились в нашу*

оборону (0,51) вот мы здесь (0,64) сибиряки (0,66) и впервые (0,78) в июле сорок первого года когда армия отходила (0,46) мы (0,90) перешли в контрнаступление (0,98) немцы (0,20) не выдержав (0,39) натиска сибиряков (0,93) оставляя на поле боя убитых и раненых начали отходить.

Подобная морфологическая и синтаксическая правильность создаёт сильный контраст с многочисленными грамматическими нарушениями в построении высказываний за пределами нарратива-«пластинки». См. примеры:

(37) *а есть такие дома (0,94) резьба полностью на= на= на доме на (э 0,43) ш= ставни вырезаны все остальное цвета такие которые (0,33) вот такие дома (0,27) подобрать (0,64) и непосредственно (1,63) их (0,83) заказать о том что они являются памятниками для того чтобы их не трогать а чтобы их (0,47) поддерживать.*

Одним из языковых средств, активно используемых говорящим в рассказе-«пластинке», являются отглагольные существительные (в особенности на *-ние*).

(38) *...и [мы. — А.Р.] организовывали (0,55) **нападения** на отдыхающие и формирующие воинские подразделения которые находились на **формировании** в глубоком тылу;*

(39) *мы (0,90) перешли в **контрнаступление**.*

Значимы различия в количестве употреблений отглагольных существительных в двух анализируемых фрагментах: в нарративе-«пластинке» их 38, в тексте, представляющем собой неподготовленный рассказ, — 12. В рассказе-«пластинке» большинство используемых отглагольных существительных выступают в качестве элемента составного сказуемого, тогда как в неподготовленном рассказе отглагольные существительные в большинстве случаев выполняют роль подлежащего (*дак у нас было с= (0,08) своё (0,63) личное (0,36) **производство***). Частотное употребление отглагольных существительных, в особенности в качестве элемента составного именного сказуемого, характерно прежде всего для официальной тональности.

Остановимся ещё на одном грамматическом средстве, характерном для рассказа-«пластинки», — конструкция с краткими страдательными причастиями (фрагмент объёмом 840 слов содержит 8 таких конструкций, см. примеры 40—43). Следует отметить, что в неподготовленном рассказе подобные конструкции также частотны: в нём обнаружено 6 страдательных причастий (примеры 44—45).

(40) *в сороковом году в феврале я его закончил (1,05) получил звание лейтенанта (0,82) и **был направлен** в воинскую часть в город Барнаул;*

(41) Мне **было предложено** сформировать (0,43) диверсионно-истребительный отряд (0,97) в количестве (0,50) ста тридцати пяти человек;

(42) Всего **было уничтожено** в этой деревне четыреста пятьдесят человек (0,80) немцев;

(43) по указанию Иосифа Виссарионовича Сталина (0,54) Жукову **было приказано** (1,81) сибирскими дивизиями (0,72) ликвидировать этот выступ;

(44) Там за каких-то пятнадцать-двадцать лет может быть (1,35) в Иркутске **построено** восемь микрорайонов (0,57) жилья только;

(45) Но надо (0,56) выбрать (0,33) те дома (0,56) которые непосредственно **построены** еще (0,22) сто лет тому назад.

Как известно, конструкции страдательного залога как средство преобразования исходной синтаксической структуры позволяют изменить коммуникативный ранг участника ситуации, переместить фокус внимания с исходного подлежащего на исходное дополнение (см. [Вежбицкая, 1996], [Плунгян, 2011]). В приведённых примерах такое преобразование вызвано различными причинами: так, в контекстах 40, 41 (рассказ-«пластинка») и 44, 45 (неподготовленный монолог) использование страдательных причастий, как представляется, обусловлено прежде всего тем, что говорящий не знает, кто именно осуществлял определённое действие, или не считает необходимым называть его при описании событий. Использование пассивного залога в таком случае является одним из наиболее естественных способов описания ситуации: говорящий выбирает между неопределённоличным предложением (ср. тождественные по смыслу конструкции: *меня направили в воинскую часть, в Иркутске построили 8 микрорайонов жилья* и т.д.) и страдательной конструкцией. Другие способы представления событий выглядят менее естественными, ср.: *NN направил меня в воинскую часть, NN построил 8 микрорайонов жилья*.

Однако в примерах 42 и 43 деятель известен говорящему: в примере 42 сам субъект речи был в составе группы, уничтожавшей немцев; в примере 43 субъект речи назван с помощью конструкции с предлогом *по* (*по указанию Иосифа Виссарионовича Сталина*). Последний пример заслуживает особого внимания, так как говорящий в данном случае «кранжирует» деятелей: центральную позицию занимает отдающий приказ И. В. Сталин, позицию объекта в страдательной конструкции — Г. К. Жуков. Реальные же исполнители приказа — *сибирские дивизии* — оказываются на периферии высказывания, выполняя в предложении синтаксическую функцию косвенного дополнения. Значимо, что словосочетание *сибирские дивизии* стоит в форме творительного падежа: деятель в данном случае представлен как инструмент, средство, с помощью которого выполняется приказ. Таким образом, наиболее высоким коммуникативным рангом обладает субъект,

отдающий приказ, наиболее низким — исполнители этого приказа. Примеры подобного типа не встречаются за пределами рассказа-«пластинки».

По всей видимости, подобная семантико-синтаксическая организация конструкций в примерах 42 и 43 связана с особенностями концептуализации событий, описываемых в рамках нарратива-«пластинки»: в коллективно значимом подвиге важность действий отдельных лиц-исполнителей (в том числе и говорящего) снижается, нивелируется.

Обращает на себя внимание также использование деепричастных оборотов в нарративе-«пластинке» (*немцы, не выдержав натиска сибирияков, оставляя на поле боя убитых, раненых, начали отходить*); подобные конструкции отсутствуют в неподготовленном рассказе. Использование данного грамматического средства является приметой официальной (и прежде всего письменной) речи, так как, отмечает Е. А. Земская, «деепричастия как форма глагола чужды разговорной речи» [Земская, 1979, с. 85].

Таким образом, для рассказа-«пластинки», посвященного теме Великой Отечественной войны, характерны не только лексические, но и грамматические средства, типичные для официальной, письменной речи. При этом роль данных языковых элементов не сводится к созданию официальной тональности: они позволяют автору представить свои личные воспоминания как коллективно значимые события, не каузированные им самим или другими.

4. Заключение = Conclusions

Обобщая результаты проведённого анализа, отметим, что сопоставление рассказа-«пластинки», посвящённого теме Великой Отечественной войны, с неподготовленным повествованием позволило выявить значимые различия между двумя типами нарративов на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях. Для рассказа-«пластинки» характерна просодическая и грамматическая стройность: почти полное отсутствие пауз хезитации и сбоев при построении сложных грамматических конструкций, например, деепричастных оборотов. Это может свидетельствовать о том, что когнитивные операции осуществляются в соответствии с уже имеющейся в сознании говорящего схемой, сформированной в процессе неоднократного воспроизведения этого фрагмента дискурса. В рассказе-«пластинке» присутствует эмфатическая нагруженность, обеспечиваемая использованием, во-первых, долгих пауз, сигнализирующих об особой выделенности некоторого фрагмента дискурса, во-вторых, экспрессивно окрашенной книжной лексики. Всё это позволяет говорящему придать личным впечатлениям черты коллективно значимого воспоминания: война

представлена как сакральное событие, повествование о котором требует высокой и официальной лексики, в рамках которого значимым является коллектив, а роль индивидуальности нивелируется.

Подобные характеристики резко контрастируют с особенностями повествования, посвящённого более поздним событиям: в этом случае говорящий активно использует разговорную лексику и сочетает в одном контексте стилистически разнородные средства и дискурсивные маркеры, что является типичным для неподготовленной речи. В спонтанном нарративе наблюдаются многочисленные речевые сбои, проявляющиеся в большом количестве заполненных и незаполненных пауз хезитации, в обрывах слов и грамматических нарушениях, что может свидетельствовать о сложности осуществления когнитивных операций, связанных с вербализацией первые конструируемого дискурса. Это позволяет заключить, что обозначенные выше характеристики нарратива-«пластинки» не присущи речи говорящего «по умолчанию», а специфичны именно для определённого типа повествования.

Безусловно, исследование и описание различных особенностей рассказа-«пластинки» не может ограничиться предложенным анализом: необходимо сопоставление нарративов такого типа, производимых (точнее — воспроизводимых) разными говорящими, выявление характеристик разных типов рассказов-«пластинок», оценка степени проявления индивидуальности в нарративах-«пластинках» и т. д.

Литература

1. Букринская И. А. Рассказ-пластинка в диалектном социуме / И. А. Букринская, О. Е. Кармакова // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе : тезисы докладов Международной конференции, 30 октября — 01 ноября 2015 г. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2015. — С. 25—27.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — Москва : Русские словари, 1996. — 416 с.
3. Гранева И. Ю. О референтном и нереферентном употреблении местоимения мы / И. Ю. Гранева // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. — 2008. — Выпуск 4. — С. 206—210.
4. Гудков Л. А. «Память» о войне и массовая идентичность россиян [Электронный ресурс] / Л. А. Гудков // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2. — Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/pamyat-o-vojne-i-massovaya-identichnost-rossiyan.html> (дата обращения: 20.10.21).
5. Дараган Ю. В. Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства [Электронный ресурс] / Ю. В. Дараган // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2003». — Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/media/2618/daragan.pdf> (дата обращения: 21.10.2021).

6. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. — Москва : Русский язык, 1979. — 240 с.
7. *Кибрик А. А.* На пути к естественной грамматике русского языка / А. А. Кибрик // Русская грамматика 4.0 : сборник тезисов Международного научного симпозиума. — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2016. — С. 36—40.
8. *Китайгородская М. В.* Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1999. — 395 с.
9. *Китайгородская М. В.* Русский речевой портрет: фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — Москва, 1995. — 127 с.
10. *Кобозева И. М.* Полисемия дискурсивных слов и попытка ее разрешения в контексте предложения (на примере слова вот) / И. М. Кобозева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2007». — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2007. — С. 250—255.
11. *Кольшева О. Н.* Нарратив как мнемонический текст (на материале нарративов «детей войны») / О. Н. Кольшева // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — Т. 11., № 2. — С. 398—411. — DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411.
12. *Кривнова О. Ф.* Исследования просодического членения звучащего текста на материале русского языка / О. Ф. Кривнова, С. В. Князев, Е. В. Моисеева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2016. — № 4 — С. 733.
13. *Кринко Е. Ф.* Человек на войне: что о нем пишут исследователи и что он сам рассказывает о себе / Е. Ф. Кринко // Новое прошлое. — 2020. — № 4. — С. 8—24. — DOI: 10.18522/2500-3224-2020-4-8-24.
14. *Летняков Д. Э.* Оспариваемое прошлое: к обоснованию плюралистического подхода к исторической памяти / Д. Э. Летняков // Дискурс-Пи. — 2021. — Т. 18, № 2. — С. 61—76. — DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_612021.
15. *Лицарева А. Ф.* Фольклорные мотивы и сюжеты в устных нарративах о «священной войне» [Электронный ресурс] / А. Ф. Лицарева // Studia Humanitatis. — 2021. — № 2. — Режим доступа: <http://st-hum.ru/content/licareva-af-folklornye-motivy-i-syuzhetyv-ustnyh-narrativah-o-svyashchennoy-voune> (дата обращения: 20.10.21).
16. *Норман Б. Ю.* Русское местоимение мы: внутренняя драматургия / Б. Ю. Норман // Russian Linguistics. — 2002. — Vol. 26, № 2. — P. 217—234.
17. *Пеньковский А. Б.* О семантической категории «чуждости» в русском языке / А. Б. Пеньковский // Очерки по русской семантике. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — С. 13—50.
18. *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2011. — 669 с.
19. *Рассказы о сновидениях : корпусное исследование устного русского / под редакцией А. А. Кибрика; В. И. Подлесской.* — Москва : Языки славянских культур, 2009. — 736 с. — ISBN 978-5-9551-0303-7.
20. *Ханипова И. И.* Великая Отечественная война в памяти народа: потенциал источников личного происхождения и материалов устной истории / И. И. Ханипова // Историческая этнология. — 2021. — Т. 6, № 1. — С. 43—64. — DOI: 10.22378/he.2021-6-1.43-64.

21. Шмелёв А. Д. Частица «там» как маркер несущественной детали / А. Д. Шмелёв // Язык как материя смысла : сборник статей к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой. — Москва : Азбуковник, 2007. — С. 208—215.

References

- Bukrinskaya, I. A., Karmakova, O. E. (2015). A story-plate in dialect society. In: *Actual problems of Russian dialectology. To the 100th anniversary of the publication of the Dialectological Map of the Russian in Europe: Abstracts of the International Conference, October 30 — November 01, 2015*. Moscow: V. V. Vinogradov's Institute of the Russian. 25—27. (In Russ.).
- Daragan, Yu. V. Parasitism or symbiosis: a mechanism for overcoming communication failures and verbal means serving it. In: *Computational linguistics and intelligent technologies: based on the materials of the annual international conference Dialog 2003*. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/2618/daragan.pdf> (accessed: 21.10.2021). (In Russ.).
- Graneva, I. Yu. (2008). On the referent and non-referential use of the pronoun *we*. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State University. N. I. Lobachevsky. Series: Philology, 4*: 206—210. (In Russ.).
- Gudkov, L. A. (2005). “Memory” about the war and the mass identity of Russians”. *Emergency reserve, 2*. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/pamyat-ovojne-i-massovaya-identichnost-rossiyan.html> (accessed: 10.20.21). (In Russ.).
- Khanipova, I. I. (2021). The Great Patriotic War in the memory of the people: the potential of sources of personal origin and materials of oral history. *Historical ethnology, 6/1*: 43—64. DOI: 10.22378/he.2021-6-1.43-64. (In Russ.).
- Kibrik, A. A. (2016). On the way to the natural grammar of the Russian language. In: *Russian Grammar 4.0: collection of abstracts of the International Scientific Symposium*. Moscow: State A. S. Pushkin's Institute of the Russian. 36—40. (In Russ.).
- Kibrik, A. A., Podlesskaya, V. I. (eds). (2009). *Dream stories: a corpus study of oral Russian*. Moscow: Languages of Slavic cultures. 736 p. ISBN 978-5-9551-0303-7. (In Russ.).
- Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (1995). Russian speech portrait: phono-chrestomathy. Moscow. 127 p. (In Russ.).
- Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (1999.). *Speech of Muscovites: a communicative and cultural aspect*. Moscow: Institute of the Russian Language V. V. Vinogradova. 395 p. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M. (2007). Polysemy of discursive words and an attempt to resolve it in the context of a sentence (on the example of the word *here*). In: *Dialogue 2007*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 250—255. (In Russ.).
- Kolysheva, O. N. (2020). Narrative as a mnemonic text (based on the narratives of “children of war”). *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics, 11/2*: 398—411. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411. (In Russ.).
- Krinko, E. F. (2020). A man at war: what researchers write about him and what he tells about himself. *New past, 4*: 8—24. DOI: 10.18522/2500-3224-2020-4-8-24. (In Russ.).
- Krivnova, O. F., Knyazev, S. V., Moiseeva, E. V. (2016). Studies of the prosodic articulation of a sounding text on the material of the Russian language. *Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology, 4*: 733. (In Russ.).

- Letnyakov, D. E. (2021). Contested Past: Towards a Substantiation of the Pluralistic Approach to Historical Memory. *Discourse-Pi*, 18/2: 61—76. DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_612021. (In Russ.).
- Litsareva, A. F. (2021). Folklore motifs and plots in oral narratives about the “holy war”. *Studia Humanitatis*, 2. Available at: <http://st-hum.ru/content/licareva-af-folklornye-motivy-i-syuzhety-v-ustnyh-narrativah-o-svyashchennoy-voynе> (accessed: 20.10.21). (In Russ.).
- Norman, B. Yu. (2002). Russian pronoun we: internal dramaturgy. *Russian Linguistics*, 26/2: 217—234. (In Russ.).
- Penkovsky, A. B. (2004). On the semantic category of “alienness” in the Russian. In: *Essays on Russian semantics*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 13—50. (In Russ.).
- Plungyan, V. A. (2011). *Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 669 p. (In Russ.).
- Shmelev, A. D. (2007). Particle “there” as a marker of an insignificant detail. In: *Language as a matter of meaning*. Moscow: Azbukovnik. 208—215. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russian dictionaries. 416 p. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A. (1979). *Russian colloquial speech: linguistic analysis and learning problems*. Moscow: Russian. 240 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.01.2022,
одобрена после рецензирования 28.04.2022,
подготовлена к публикации 05.06.2022.